

системы функционирования сельской общины (*джамаата*). Эта система веками совершенствовала механизмы обеспечения указанных собственных параметров и свойств и тем самым достигала завидной целостности и прочности. В населенных пунктах организовано переселенных жителей горцев общинная система в общих и главных чертах восстанавливалась. Принципы и механизмы жизнедеятельности общины воспроизводились и в прикутаных хозяйствах, тем более что в большинстве случаев их связи с материнскими структурами в горах не разрывались. Население, в которое «вливались» горцы-мигранты, по тем или иным причинам не обладало подобным социальным опытом либо оказалось не в состоянии в условиях прессинга государства его использовать.

Очевидно стремление горцев-переселенцев в полной мере натурализоваться в равнинных районах республики. До сих пор жителям поселков так называемых прикутаных хозяйств, а это порядка 200 населенных пунктов, запрещено административно оформлять там свое пребывание, все они числятся среди постоянных жителей горных селений, так что подобные населенные пункты не имеют сельских администраций. И это при том, что натурализация горцев в равнинном Дагестане уже свершившийся факт, требующий определенного юридического решения и оформления.

Посылки к дальнейшему расширению зоны «освоения» «горцами» степных районов Предкавказья видны в нынешнем активном их сезонном отходничестве в Ставропольский край и Ростовскую область. Демографическая ситуация и реальная массовая безработица в РД дополнительно стимулируют предпринимательскую активность дагестанцев, которая при некоторой сравнительной инертности в том же плане основного населения указанных областей может привести к значительным трансформациям их облика, в том числе по национальному составу населения (по некоторым данным, численность дагестанцев в восточных районах Ставрополя ныне достигает 100 тыс. чел.).

Е.Л. Капустина

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ СЕЗОННЫЕ РАБОТЫ: ПРАКТИКА ГОРНОГО ДАГЕСТАНА (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI в.)

Земледельческие сезонные работы как разновидность дагестанского отходничества уже со второй половины XIX в. представляли собой своеобразное и заметное социальное явление. В со-

ветское время после организации колхозов в горных районах отходничество было затруднено: происходило фактическое «закрепление» горцев на колхозной земле. Но колхоз также гарантировал определенное количество рабочих мест. Лишь когда горцам начали выдавать паспорта, постепенно стал возможным уход на сезонные работы, хотя это и не было так распространено, как промышленное и строительное отходничество.

Несомненно, кризис колхозного и совхозного хозяйств, закрытие почти всех горных предприятий, инфляция и другие неблагоприятные факторы после распада Союза вынудили людей активнее искать альтернативные заработки. Массовый уход на стройки и заводы Средней Азии и Закавказья теперь стал невозможным. В этих условиях для некоторых селений горного Дагестана выходом явились сельскохозяйственные сезонные работы на полях юга России: Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, Калмыкии, Кабарды, равнинных районов Дагестана.

Рассмотрим подробнее яркий пример сезонных сельскохозяйственных работ — луковый промысел жителей Цумадинского, Цунтинского, Ботлихского и некоторых других районов на примере опыта с. Хуштада Цумадинского р-на. Оттуда выращивать лук выезжают в основном в Ростовскую область. История местного лукового промысла насчитывает уже порядка 20–30 лет. Только в советское время люди шли работать батраками у корейцев, а с 1990-х гг. начали осваивать этот бизнес самостоятельно. В 2005 г. лишь немногие в селении не были заняты работами «на луке».

Сельчане объединяются в бригады (до нескольких десятков человек) под руководством бригадира, у которого есть некий стартовый капитал. Дополнительно каждый вносит определенную сумму в зависимости от количества арендуемых им гектаров земли. Одна бригада арендует у ростовских колхозов землю в 50–200 га. В среднем каждая семья берет 1–2 га и обрабатывает своими силами. За проделанную организационную работу каждый участник (член бригады) после уборки урожая отдает бригадирю несколько тонн лука с каждого арендованного гектара. В итоге при удачной реализации лука в конце сезона пайщик с 1 га получает от 50 тыс. руб. чистой прибыли (2005 г.), бригадиры же получают за сезон до 1–2 млн руб. Некоторые хуштадинцы, не имеющие возможности выезжать на лук сами (или имеющие возможности нанять людей), нанимают на работу односельчан или жителей соседних сел и даже районов (Ботлихский, Ахвахский). С местными (ростовскими) работниками предпочитают не связываться, так как те зачастую работают «до первой бутылки водки» и «уходят в загул». Заработная плата батракам выдается

или деньгами, или, чаще всего, частью урожая. Прибыли получаются значительные, однако велик и риск. Например, в 2003 г. после удачного сбыта продукции в селении появилось около 1,5 десятка «Жигулей» последних моделей. На следующий год не удалось реализовать ничего, все машины были проданы, а для того чтобы начать бизнес в 2005 г., большинству хуштадинцев пришлось занимать деньги.

Поскольку работы на луке носят сезонный характер, бытовые условия носят оттенок временности. Как правило, работники живут в «балаганах» — бараках из фанеры, которые строят прямо на поле, их оборудуют газовой печью, топчаном, где спит семья, посудой. Постройкой балагана, обеспечением основных продуктов питания для работников (макароны, сахар, соль, масло, мука) занимается арендатор участка. Остальное рабочих покупает сам. Балаган на зиму оставляют у местных жителей с тем, чтобы поставить его на новом месте работы на будущий год, подобную услугу оплачивают луком или деньгами.

В качестве арендаторов выступают в основном мужчины средних лет. Также в промыслах участвуют молодые люди, у которых зачастую нет возможности найти рабочее место в селении. Так, летом в селении Хуштада из-за работ на луке почти нет молодежи.

Мужчины тратят много времени на организацию дела: договариваются с покупателями, рассчитываются с кредиторами и пр. Зачастую они просто занимают некоторые должности в селении и вынуждены часто приезжать домой (особенно в сентябре, когда становятся востребованы учителя). Женщины же и подростки в основном остаются на полях на протяжении всего срока работ. По некоторым версиям, луковые работы — почти полностью женское дело, а мужчины приезжают только на уборку.

Социальная жизнь в селении отчасти зависит от успехов или неудач на луковых полях Ростовской области. В частности, количество свадеб может напрямую зависеть от этого: в 2003 г. луковый промысел был удачным, поэтому в селении было сыграно много свадеб, в 2004 г. из-за неудач в промысле почти все «отходники» прогорели, свадеб не было совсем.

Промысловая активность населения способствовала урегулированию земельных споров в селении. Многие семьи повсеместно претендуют на земли, принадлежавшие их родственникам до коллективизации, что, несомненно, создает конфликтные ситуации. В селении Хуштада в 1990-х гг. также имели место земельные споры, но, по словам одного из информантов, на 2005 г. их в принципе нет, так как многие получают основной доход не с

земельных наделов в селении, а с лукового промысла. Таким образом, изменяется и облик личного хозяйства: скот держат в основном только пожилые люди. Те же, кто активно участвуют в луковом промысле, фактически не занимаются в селении ни земледелием, ни скотоводством.

Современный луковый бизнес не дает общине полностью изолироваться от влияний внешнего мира, жить по шариатским нормам, которые пытаются внедрить местное духовенство и собрание общины.

В целом можно сделать вывод о том, что уход на заработки, будучи важной составляющей жизни горцев и их селений, в целом заслуживает пристального внимания исследователей.

Д.В. Сень

ВООБРАЖЕНИЕ РЕГИОНА КАК КОЛОНИЗАЦИЯ: КУБАНЬ–ЧЕРНОМОРИЯ–КУБАНЬ (практики Российской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — середине XIX в.)

Существует ли Кубань? Вопрос может показаться абсолютно нелегитимным с точки зрения современного политического дискурса, когда речь идет об инвестиционной привлекательности Кубани-*региона*, подчеркивании роли в его истории кубанского казачества, объявленного по сути *ab ovo* местной истории, а учебники под названием «История Кубани» являются необходимым компонентом даже школьного образования. Вместе с тем стоит признать, что сама постановка вопроса неоригинальна уже на том основании, что является «символической калькой» названия статьи Э. Валлерстайна «Существует ли Индия?» (Wallerstein 1995: 131–134). Отмечу, однако, что вплоть до последнего времени ученые почти не интересовались такой проблемой, как определение ментальных границ (соответственно — меняющегося пространства) Кубани в парадигме продвижения России на Юг, закрепления ее на берегах Черного моря и решения ею многовековых внешнеполитических задач или таких «вопросов», как крымский, кубанский, шире — Восточный. Новизна статьи определяется, в частности, тем, что данный кейс из области ментальной географии изучается в контексте борьбы империй (Российской и Османской) за территорию и население двух «горячих точек» вдоль евроазиатских границ, которые А. Рибер выделяет в числе пяти аналогичных проблемных зон: Причерноморской